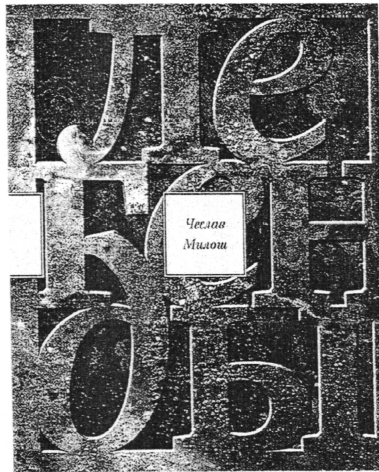

Чеслав Милош получает Нобелевскую премию из рук короля Швеции Карла XVI Густава, Стокгольм, 1980 год

который ставит себя над обществом и отрицает его мораль, затем к Ницше, называвшему Стендаля своим учителем, к идее сверхчеловека, имеющей уже непосредственное отношение к формированию тоталитаризма в Европе. Это разговор о правах и обязанностях искусства: в теории мы убеждены, что оно никому ничего не должно, но на практике не всегда чувствуем именно так, и умолчать об этом было бы лицемерием.

«Искусство пребывает между двумя крайностями, — пишет Милош. — С одной стороны, ему угрожает свобода, купленная ценой отказа от влияния на человеческие отношения, как у сторонников «чистой поэзии», «чистой формы» и «искусства для искусства». С другой — рабство на службе общественных идей. Мы так пропитаны мышлением в коллективных категориях, что нам трудно представить

себе, чтобы, например, нельзя было осудить последователей Ницше или пропагандистов расизма <...> Контроль трезвости и этики уже не удастся избежать».

Как раз поэтому эти две книги замечательно дополняют друг друга: пока Милош размышляет о границах искусства, Стайн практически проверяет их на прочность.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СТАЙН

Несмотря на то, что Гертруда Стайн была еврейкой, гомосексуалкой и американкой, то есть подвергалась в годы нацистской оккупации тройной угрозе, она не воспользовалась возможностью покинуть Францию, и жизнь ее и ее партнерши Элис Токлас действительно сложилась благополучно, разве что в тяжелый момент пришлось продать одного из Сезаннов. На протяжении всей книги две старые дамы как будто окружены защитным пузырем неприкосновенности и достатка. Стайн объясняет это добродушием и сплоченностью французов перед лицом врага, рассказывая, например, анекдот о парижской еврейке, которой сотрудник префектуры отказался поставить предписанную новым законом отметку в документах, поскольку у нее не было «доказательств, что она еврейка», и велел его не беспокоить: «Большинство французских чиновников были таковы, правда».

Ее картина войны выглядит сегодня наивной до неискренности. В реальности Стайн могла позволить себе такую беспечность, видимо, благодаря покровительству своего старого друга Бернарда Фэя, занимавшего высокий пост в правительстве Виши, сотрудничавшего с гестапо и осужденного впоследствии на пожизненное заключение как военный преступник; чего-то она не знала, а о чем-то решила умолчать, об этом судить не нам. Важнее, что беспечность драгоценна сама по себе, а в тяжелые времена